Леонид Кудрявцев

Баллада о драконе

Часть сборника
Ведьмачьи легенды (сборник)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Однажды знаменитый бард Лютик решил отправиться в город Джакс, чтобы написать балладу о местном драконе. Только вот незадача по дороге вышла, да и пришлый проходимец оказался не так прост, как казалось.

- Леонид Кудрявцев
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

Леонид Кудрявцев
Баллада о драконе

1

Слуга, вышвырнувший Лютика из кареты, был здоровым как медведь. А золота на его ливрее поблескивало столько, что поэт мог бы прожить на него целый год. Очень неплохо, в тепле и сытости.

Шлепнувшись в дорожную пыль, Лютик спросил:

– За что?

Рядом с ним упала лютня. Струны ее тихо звякнули.

– Думать надо, господин поэт, прежде чем распускать язык, общаясь с благородными дамами, – мрачно сказал слуга. – И руки.

Бард не удостоил его взглядом. Смотрел на карету. Занавески на ее окне даже не шелохнулись.

– Инесса! – позвал Лютик.

– Дурак ты, братец, – сообщил слуга. – Поклоны бей прекраснейшей, что так обошлось. Будь моя воля, я бы ремнями спустил тебе кожу с задницы.

– Не сомневаюсь, – по-прежнему не отрывая глаз от окна кареты, пробормотал поэт. – Это ты умеешь.

Лакей пожал плечами и залез на запятки. Кучер щелкнул бичом, и карета тронулась.

– Эх, женщины… – вздохнул поэт.

Он встал и стряхнул с одежды пыль. Подобрал лютню, внимательно ее оглядел. Струны уцелели, корпус не треснул. Пошарив по карманам, Лютик извлек тощий кошелек. Пересчитав в нем монеты, пробормотал:

– Женщины… будут и другие.

– Уверен? – послышался у него за спиной хриплый голос.

Поэт обернулся.

Так и есть. Два типа в кожаных потертых куртках, с мечами в руках. Гнусно улыбающиеся.

– Последний раз подобный подарок от судьбы я получил в детстве, – сообщил тот, что стоял справа. – Моя сестренка-стерва опрокинула на себя котел кипятка.

– Имейте в виду, – сказал Лютик. – У меня богатые покровители, и меня будут искать. Стоит мне только сказать…

– Значит, придется позаботиться, – прорычал стоявший слева, – чтобы они ничего не узнали. Смекаешь, как это можно сделать? Ну-ка, давай сюда денежки, да поживее.

– Одежка у него хорошая, – сказал стоявший справа. – И сапоги… мне они.

– Там посмотрим, – ощерился его товарищ. – Сдается, мне

они тоже на ноги налезут.

– Ах, вот как?

Злобно ухмыляясь, бандиты глянули друг другу в глаза.

Сообразив, что настал удачный момент задать стрекача, Лютик резво отпрыгнул в сторону и словно заяц кинулся наутек. Он вломился в придорожные кусты и протаранил их, не обращая внимания на терзавшие одежду ветки. Дальше был овраг, и поэт, не сбавляя хода, кинулся в него. Лютню он крепко прижимал к груди, стараясь уберечь. Одежда – дело наживное, а вот хороший инструмент найти не просто.

Каким-то чудом умудрившись не упасть, Лютик оказался на дне оврага. Неподалеку бухали сапоги преследователей. Понимая, что попытавшись взобраться на крутой склон, можно попасть им в руки, поэт побежал по дну.

Под ногами пружинили прошлогодние листья, хлюпала вода, трещали гнилые сучья. Бандиты не отставали, ломились по краю оврага, стараясь не выпустить его из виду. Вот один из них крикнул:

– Бегай, не бегай, а от нас не уйдешь! И не таких ловили!

– Уйду, – пробормотал Лютик.

Лог впереди раздваивался. Опыт подсказывал, что избавиться от погони удастся лишь там.

Преследователи бегут по левой стороне, прикинул поэт, и на развилке, конечно, кинутся вниз. Там нужно прибавить скорости и свернуть направо. Главное, не влететь в тупик. Это – смерть.

Судьба была на его стороне. Свернув в нужную сторону, Лютик обнаружил, что лог через несколько метров опять раздваивается. Слыша за спиной громкие проклятья сбегающих вниз бандитов, поэт достиг развилки и свернул влево. Вскоре лог опять разделился. На этот раз следовало свернуть вправо. Чем заканчивается это ответвление, рассмотреть не представлялось возможным. Склоны его густо поросли плакучими ивами, и ветки их, опустившиеся чуть ли не до земли, закрывали обзор.

Еще одна удача!

Под прикрытием веток бард бросился вверх по склону. Он знал, что от этого рывка зависит все, и работал ногами из последних сил. Преодолев подъем, он остановился и почти без чувств привалился к стволу ближайшего дерева. Вот теперь следовало отдышаться и оглядеться.

Минуты через три стало понятно, что преследователи его след потеряли. Судя по доносившимся из оврага звукам, они все еще бегали по его дну, искали добычу в одном из ответвлений. Самое время уйти.

Лютик осторожно сделал шаг назад и прислушался. Отошел

еще немного и вновь замер.

Похоже, его маневры остались незамеченными.

Приободрившись, поэт развернулся и, стараясь ступать как можно тише, двинулся прочь.

Из оврага доносилось:

– А ведь добыча ускользнула! И все из-за тебя, мохнорылый осел!

– Да что б тебя…! Сам такой, петух гамбургский!

Лютик улыбнулся.

Сочно ругаются. Если задержаться, наверняка можно услышать и не такое. Только стоит ли рисковать? Отдохнуть бы, привести одежду в порядок, да заморить червячка.

На дорогу он выйти не решился. Побрел лесом, стараясь не потерять ее из вида, не заблудиться. К вечеру ему встретился Райдо.

2

Место для отдыха выбрали в сухой ложбине между холмами. Там костер с дороги был совершенно не виден.

Они сидели у огня рядом. Райдо жарил на вертеле тушку зайца. Вполголоса чертыхаясь, Лютик пытался зашить дыру в камзоле. Получалось вкривь и вкось.

– Неважно шьешь, – взглянув на его работу, улыбнулся Райдо. – Опыта явно маловато.

Черты лица у него были грубые, невыразительные, но даже мимолетная улыбка изменила их, словно бы высветила. Стало видно, что новый знакомец поэта на самом деле не стар. Вот лицо его вновь посуровело. В углах рта пролегли резкие морщины, добавили лет пятнадцать.

– Это у меня маловато? – проворчал Лютик. – Да я на своем веку зашил прорех не меньше иной портнихи. Света от костра не хватает. Будь он больше, уж я…

– Плохому танцору знаешь, что мешает?

– Плохому? – хмыкнул поэт. – Да ты видел, как я танцую? Никто так не умеет.

– У каждого своя работа, – напомнил Райдо. – Ты поешь и танцуешь, а я помогаю мастерить оружие,

Он кивнул на большой арбалет, лежавший в пределах досягаемости руки.

– Здесь, в лесу? – фыркнул Лютик.

– Нет, конечно. Иду в вольный город Джакс. Для искусного подмастерья кое-какая работенка там обязательно найдется. Уверен.

Выглядел подмастерье и в самом деле справно. Широкоплечий и явно очень сильный. Он и двигался, как положено рабочему или военному человеку, ловко, уверенно. Меча, кстати, при нем не было. На поясе висел лишь обычный нож, без которого любому в дороге просто беда. Значит, и в самом деле – подмастерье.

– А почему не постоянная работа? – спросил поэт. – Я думаю, тебя любой мастер к себе возьмет.

– Да только я не пойду, – ответил Райдо. – Не могу сидеть на одном месте. Вот и имя у меня… матушка как чувствовала. Знаешь такую руну?

– Конечно. Значит, так всю жизнь и рассчитываешь бродить от города к городу?

– А ты?

Вопрос застал Лютика врасплох. Он хмыкнул, почесал в

затылке. Искоса взглянул на подмастерье и, наконец, выдавил:

– Ну… думаю, я просто до нее не доживу.

– Надеешься на удачу, стало быть? – уточнил Райдо.

– Чем не вариант?

Сказано это было с беспечным видом.

– Понятно, – промолвил подмастерье. – Тогда давай ужинать и ложиться спать. А одежду зашьешь завтра, прежде чем тронемся в путь. Думаю, в Джаксе будем к обеду, не позже.

Он снял с огня вертел, освободил от него тушку кролика и ловко разделил ее на две половины.

– Благодарю, ты очень любезен, – учтиво сказал Лютик.

Следующие минут пятнадцать возле костра не было произнесено ни слова. Зато раздавалось причмокивание, слышался хруст разгрызаемых костей и прочие звуки, сопутствующие трапезе мужчин, прилично оголодавших и не стесненных присутствием женщин.

После того как с едой было покончено, Лютик прилег прямо у костра. Удивительно, но ему вдруг стало совершенно плевать на то, что его модный кафтан запачкается. Хотелось только лежать на траве, смотреть в ночное, усеянное бесчисленными звездами небо, ковырять в зубах заостренной палочкой и ни о чем не думать.

Немного погодя его из этого приятного состояния вывел вопрос подмастерья:

– А что тебе нужно в вольном городе Джаксе? И каким боком это связано с живущим возле него драконом?

– Баллада, – ответил поэт.

Райдо удивился:

– Какое отношение к дракону может иметь треньканье на лютне и рифмованные слова?

– Хочу написать балладу о драконе. Их почти не осталось, между прочим.

– Баллад?

– Драконов, конечно. А такой, как в вольном городе, уживающийся с людьми, вообще один на свете. И есть люди, сумевшие подружиться с драконом. Разве это не удивительно?

– Удивительно, – подтвердил подмастерье.

– Тут должна быть история для баллады. Я в этом уверен.

– И жители Джакса запросто откроют тебе своей секрет?

– Почему бы и нет? – пожал плечами поэт. – Ведь я – известный всему миру бард. Моя баллада сделает им рекламу. А кто откажется от рекламы? Как я понял, благодаря дракону город процветает.

– Вполне вероятно.

– Реклама еще больше увеличит их доходы.

– Думаешь, они мечтают о том, чтобы ты растрезвонил на весь мир условия сделки с драконом?

– А нет?

– Это им может не понравиться. Зачем плодить конкурентов?

Лютик поморщился.

– Да нет мне до этого дела. Хочу лишь написать балладу и желаю узнать, каким образом люди заключили союз с драконом. Готов поспорить, тут не обошлось без доли романтики. Большая любовь, предательство, кипение страстей. Вот материал, для талантливого произведения.

– А если его не найдется? – спросил Райдо.

Поэт вздохнул, поудобнее подсунул под голову шапочку с пером цапли.

– Ну, тогда его и в самом деле придется придумать.

– Не проще ли это сделать уже сейчас?

– Что ты понимаешь? Для появления шедевра должна быть соблюдена проверенная временем процедура.

– Точно так, как если бы кто-то попытался выковать подкову?

– Все действия, строго по порядку.

– Кто бы мог подумать? – удивился подмастерье. – Неужели и в поэтическом ремесле все серьезно, как в любом ином?

– Еще серьезнее, – заявил трубадур.

– Спи-ка ты, братец. Необходимо восстановить силы. Они тебе в вольном городе Джаксе понадобятся. А баллада…. основания для нее найдутся. Возможно, не такие, как тебе мнится, но найдутся.

3

Пьянчужка с необъятым пузом и красной, словно натертой свеклой физиономией, вывалился из двери трактира, добрел до середины улицы и, споткнувшись, плашмя рухнул в огромную лужу. Прямо на спавшую в ней бурую свинью. Удивительное дело, но хавронья от этого даже не проснулась. Пару раз довольно хрюкнула и тут же затихла, с блаженным выражением на морде. Громко выругавшись, пьяница поерзал, устраиваясь поудобнее, и, наконец, уснул. Голова его покоилась на свиной ляжке. Во сне он блаженно улыбался.

– Трогательный союз, – пробормотал Лютик. – В вольном городе Джаксе.

Он оглянулся и увидел, как на втором этаже дома, мимо которого только что прошел, открылось окно, и из него высунулась изящная ручка с ночным горшком. Уверенное, отработанное движение, и лужа, в центре которой находился символ единения человеческой и животной природы, пополнилась.

– Ручка, – плотоядно улыбнувшись, пробормотал поэт. – Красивая. Кто бы подумал?

Он даже замедлил шаг, пытаясь измыслить способ познакомиться поближе с красоткой. Почти придумал и тут же забыл об этом, углядев впереди вывеску корчмы «Хвост дракона». Душа его устремилась к ней, а Лютик велениям души привык следовать.

Возле самого корчмы он нос к носу столкнулся с лакеем в расшитой сверх меры золотом ливрее.

– Выжил? – удивился тот, загородив ему дорогу. – Странно. Там, где я тебя высадил, было еще два путника. Они смахивали на людей, способных ухватить удачу за хвост. И тем не менее ее упустили… Ну и прыток ты, господин рифмоплет, ну и прыток!

– А ты меня считал рохлей? – ухмыльнулся Лютик.

– Разве не так?

– А уж кем я считаю тебя…

– И кем?

Лютик ухмыльнулся и сказал. Как и каждому человеку, работающему со словом, вдохновения по части ругани ему было не занимать.

– Это как такое может получиться? – удивился лакей. – Вроде бы – против природы.

– Будь у тебя в голове мозги, – честно ответил поэт, – мог бы и сам сообразить. Вернувшись в отчий дом, задай пару наводящих

вопросов матушке.

Дальше следовало изящно обойти здоровенного обалдуя и с достоинством удалиться. В теории.

Увы, удалось это лишь частично. Как только Лютик повернулся к лакею спиной, тот тотчас дал ему со всей силы пинка. А силушки у него оказалось немало. Поэт преодолел некоторое расстояние по воздуху и приземлился на кучке лошадиного навоза. Поскользнувшись, он сделал еще несколько шагов и, не удержав равновесия, рухнул на дорогу. По счастью, не в лужу.

Поднимаясь и отряхивая одежду, Лютик слышал довольный гогот лакея. Не обращая на него внимания, бард поднял с дороги лютню и внимательно ее осмотрел. Инструмент остался цел. Теперь можно было дать волю эмоциям.

– Мерзавец! – повернувшись к обидчику, крикнул поэт. – Ты за это заплатишь!

– Еще хочешь? – нагло ухмыляясь, спросил лакей. – Топай восвояси, рифмоплет. Отомстит он, вы слышали? Не в этой жизни.

– Я… я… – пробормотал Лютик.

– Сочинишь обо мне песенку и станешь ее гнусить на каждом углу? Валяй, старайся. Мне нет до этого дела. Однако если посмеешь упомянуть в ней мою госпожу – не пощажу. Найду где угодно и удавлю как паршивого щенка. Осознал? Хоть слово, хотя бы намек на нее…

Чувствовалось, сказано это от чистого сердца.

Лютик взглянул на лакея с интересом. Участливо спросил:

– Значит, ты даже не для себя стараешься?

– О престиже хозяйки забочусь. Тебе, бродяге и пройдохе, этого не понять.

– Где уж мне… – хмыкнул поэт. – Не приспособлен я так о чужом заботиться.

– Издеваешься? – вскипел лакей. – Да я тебя…

Не дожидаясь продолжения, Лютик пошел прочь. Голову он старался держать высоко, а спину – прямо. Показывал, что врага совсем не боится. А тот, и поэт это слышал, сделал было вдогонку пару шагов, но вдруг остановился. Передумал. Скорее всего потому, что неподалеку показались стражники.

– Советую, – послышался голос лакея, – уходи из города! Прямо сейчас и уходи. Мы будем здесь еще долго. Я не хочу, чтобы моя госпожа где-нибудь узрела твою слащавую физиономию. Не желаю. А не уйдешь, быть тебе битым каждый раз, как встретимся. Быть!

Лютик только покачал головой

– Слащавую? – пробормотал он. – Это-то с чего? Ну, лживой и подлой мою физиономию уже называли, но слащавой? Не понимаю.

– Не связывайся ты с ним больше, милок, – сказала ему сердобольная бабка, торговавшая возле корчмы вяленой рыбой. – Здоровый больно. А заднюю часть полечи. Вон как саданул, ирод. Знахарка живет недалеко от ворот. Серой горючей лечит, очень знатно.

Лютик только хмыкнул.

А то он раньше пинков не получал? Да десятками. Из-за каждого бегать к знахаркам, никаких денег не напасешься.

В корчму заходить на глазах у лакея не следовало, и Лютик ее миновал. Настроения его это не улучшило. Хотелось пива и развлечений.

Он даже успел отойти от «Хвоста дракона» с полсотни шагов, когда к нему привязался мальчишка.

– Добрый дяденька, дай монетку!

Лютик не удостоил его даже словом, не замедлил шаг.

– Дяденька, я вижу, ты добрый. Дай сироте медную монетку. Одну. Бога ради.

Поэт взглянул на мальчишку.

Удивительно дело, но грязным тот не выглядел. Одежда на нем, конечно, оказалась не новой, заплата – на заплате, но наложены они были аккуратно, мастерски. Это обнадеживало. Профессиональные попрошайки врут не задумываясь, а такой мог и правду сказать.

– Заработай, – предложил Лютик.

– Как?

Поэт вытащил из кошелька медную монету.

– Ответь на вопросы.

– И только?

– Да, расскажи мне о драконе, для начала. В подробностях. Я желаю знать о нем как можно больше. Видишь ли, мальчик, я знаменитый поэт и провожу предварительный сбор информации для нового произведения. Вникаешь?

Сказав это, Лютик величественно вскинул голову.

– Думаю, лучше всего информация собирается за столом, – мальчишка хитро прищурился. – Не так ли?

– Возможно.

– А где можно знатно посидеть, как не в корчме? Вот она, рукой подать. Ну, а попав внутрь, грех не угоститься. Не так ли, милсдарь известный поэт?

Лютик оглянулся.

Корчма никуда не делась. А вот лакей уже ушел. Значит –

путь свободен, да и повод подвернулся.

– К чему ты клонишь, шельмец?

Мальчишка пожал плечами.

– Не прибавишь ли к обещанной монете какую-нибудь еду? На сытый желудок я всю подноготную выложу как есть. До донышка.

Вздохнув, поэт заявил:

– Парень, а ты ведь большой плут.

– Выживаю, всего лишь, – ответил мальчика. – Мамка умерла, папку убили. Кусок хлеба дать некому. Приходится крутиться.

Глаза у него были такие же голубые, как и у Лютика. И очень честные. В них прямо таки читалось, что если ребенка не накормить, тот к вечеру умрет от голода.

4

– … и тогда в поле пред городскими стенами вышли все живущие в городе. Во главе… них… выступал мэр города и старшины. В самой лучшей одежде, между прочим, с цеховыми дудками, барабанами, знаменами. Ну, то есть не мэр их нес. Для того есть специальные люди. А дракон, между прочим, прилетевший заключить перемирие, их уже ждал, лежал в дальнем конце луга, огнем попыхивал. И вот старейшины, а так же мэр…

Лютик зевнул.

– Не интересно? – спросил мальчик.

Как оказалось, его звали Хватом.

– Не очень, – ответил поэт. – Слышал я эту историю раз шесть. Есть отличия в мелких деталях, а по сути она все та же. Лучше расскажи мне о городе.

– Ты заплатил, – напомнил мальчишка. – Хочешь знать, почему эта корчма называется «Хвост дракона»? А известно тебе, что на другом конце города есть еще одна, с вывеской «Голова дракона»? Угадай, как окрестили заведение в центре города?

– «Туловище дракона»? – предположил Лютик.

– Оно тоже есть. Там их несколько, и каждое названо какой-то частью тела дракона. В этом городе все с ним связно. Ты разве не заметил?

– Понятно. А сам-то ты дракона видел?

– Зачем мне это? – удивился мальчишка. – Да и не хочу я в золу превращаться.

– У города с драконом заключен мирный договор, – напомнил Лютик, – целых две сотни лет.

– Первым он никогда не нападает, – сообщил Хват, – но на глупцов, вздумавший его беспокоить, соглашение не действует. Они отправляются прямиком к его пещере и там поединничают с ним. Для всех прочих дорога закрыта.

– Часто появляются желающие сразиться?

– Конечно.

– Дорогу кто-то охраняет?

– Ну да, – подтвердил мальчишка. – Стража города, и есть еще рыцари дракона. Они берегут его покой. Чужой обмануть их не сумеет. Другое дело – местные, которым известны все тропинки. Только они к пещере не ходят. Вдруг это дракону не понравится? Кормилец он наш.

– И твой?

– А как же? – озорно улыбнулся Хват. – Кто бы меня угостил,

дал обещанный грошик, не будь его?

Лютик хмыкнул.

– Дам, но сначала ответь…

– Пошто мальца мучаешь? – спросил Райдо, подсаживаясь за стол.

В руке у него была кружка пива.

– Мальца? – буркнул Лютик. – Жрет он, между прочим, как слон. Есть за морем такой зверь, размером с гору.

– Дай ему, что просит, и пусть топает отсюда. Все, что он может поведать, запросто могу рассказать и я. А ему домой пора, сдается мне.

– Он бездомный, – сказал Лютик.

– Ну да? – удивился подмастерье. – А я вот, когда шел сюда, видел искавшую постреленка женщину. По ее описанию твой собеседник очень на него походит. Эй, малец, что скажешь?

– Пусть монетку отдаст сначала, – Хват насупился. – Обещал.

– Отдай, – приказал Райдо. – Я не без пользы в вольном городе полдня ошивался. Что искал, пока не нашел, но зато узнал много любопытного.

Лютик удивленно глянул на него.

– А вот это что-то интересное. Тебе вроде бы до дракона нет никакого дела? И работа… Ты работу искал.

– Монету… дай монету… – канючил мальчишка.

Поморщившись, Лютик полез в кошелек. Получив плату, мальчишка крепко стиснул ее в кулачке и кинулся к выходу из корчмы быстрее спасающейся от волкодава кошки. Проводив его взглядом, поэт отхлебнул из своей кружки и потребовал:

– Рассказывай.

– Охотно, – слегка улыбнувшись, сказал Райдо. – Я, как ты уже успел заметить, тоже заинтересовался историей дракона и провел собственное расследование. Подозреваю, источники информации у меня более сведущи. Тебе рассказали о шахтах?

– О шахтах?

– Ну да. Там добывали рубины. А драконы их любят, как ты знаешь. Говорят, что ящер появился здесь именно из-за них.

– Вот как? – Лютик придвинулся к собеседнику поближе. – Давай, выкладывай.

– Без проблем…

Как раз в этот момент на плечо поэта опустилась сильная рука, и хриплый голос сказал:

– Ты, что ли, рифмоплет Лютик?

– Ну, я, – даже не пытаясь оглянуться, ответил поэт.

Он знал, кто имеет обыкновение именно так начинать разговор.

– Мэр хочет тебя видеть. Велено доставить добром. А если надумаешь артачиться…

5

– … и поскольку я его величеству угодил, – закончил Лютик. – услышав о моей судьбе, он может посчитать, что в вашем городе не любят искусство и просвещение. Большой грех, наказывающийся безжалостно. Повторяю – безжалостно. Зачем вам подобные проблемы из-за какого-то виршеплета и его совершенно невинных расспросов?

Погладив висевшую на груди золотую цепь, знак занимаемой должности, мэр пророкотал:

– Да плевать мне. У нас вольный город. Понимаешь, что это означает? Нам никто не указ. А надумают воевать, так милости просим. Огненного дыхания дракона не кушали? Быстро лечит оно от мыслей о насильственном просвещении. Проверено. Были инциденты лет сто назад. После них никто нам неудовольствия выражать не пытается. Даже далеко за пределами города.

– Вот как? – спросил Лютик.

Он понимал, что мэр не обманывает. Статус вольного города и умная налоговая политика приносили солидный доход. Ну а большие деньги дарят безнаказанность и открывают для мести неограниченные возможности. При желании.

– Не осознаешь? – спросил мэр.

Он был толст, имел даже не двойной, а тройной подбородок, но, судя по глазам, умом отличался недюжинным.

– Осознаю, – признал Лютик.

– Это неплохо.

– Мне вот интересно, как вы проведали о моем прибытии в город? – спросил поэт. – Все-таки я не настолько популярен, чтобы меня узнавали на улицах.

Мэр пожал плечами.

– Можно и сообщить, ибо человеку, предупредившему о твоем появлении в городе, ты не малейшего вреда причинить не сумеешь. Руки коротки, даже для любимца августейших особ.

Он криво ухмыльнулся.

– Здоровенный такой, весь в золоте? – спросил Лютик.

Мэр едва заметно кивнул.

Вид у него в этот момент был, как у жабы, поймавшей жирную муху. Очень довольной жабы.

– Вот отольются кошке мышкины слезки, – в сердцах сказал поэт.

– Ближе к делу, – напомнил мэр. – Я желаю, чтобы твоя баллада получилась… гм… достаточно лояльной по отношению к моему городу. Понимаешь, о чем я?

– Цензура?

– Она самая. Предупреждаю, шаг вправо, шаг влево… дальше – ты знаешь.

Как бы в подтверждение его слов в коридоре лязгнули железом о железо, послышались тяжелые шаги одного из находившихся там стражников.

– Договорились, – сказал Лютик. – Но за это…

– Закончив балладу, уйдешь из города целым, невредимым. Я сильно в этом сомневаюсь, но если произведение окажется написанным с должной степенью таланта, твой кошелек пополнится. Реклама нам не помешает.

– А материалы, источники… – встрепенулся поэт.

Мэр поморщился.

– Да, конечно. Тебе откроют доступ в архив. Можешь там копаться сколько угодно. Все?

Лютик почесал в затылке.

– Да вроде…

– Тогда у меня есть еще несколько важных вопросов. Некто, сообщивший о твоем появлении, утверждает, будто ты являешься старинным другом ведьмака Геральта, известного истребителя чудовищ. Так ли это?

– Так.

– Верно ли, что ты явился сюда с намереньем шпионить для ведьмака? Якобы он подрядился убить нашего дракона. А ты должен обнаружить его слабое место?

– Геральт никогда не охотился на драконов! – воскликнул Лютик. – Это против его правил. И кстати, почему вас это беспокоит? Я слышал, что любой странствующий рыцарь, любой охотник за удачей имеет право сразиться с драконом. А он настолько силен и ловок, что до сих пор его никому победить не удалось. Ему ли ведьмака бояться?

– Он никого не боится. А мы заботимся о его здравии. Так называемые герои имеют полное право на поединок. Даже дракон должен время от времени развлекаться. Ну и конечно экономия средств, отпускаемых на его прокорм, только приветствуется. А вот профи к пещере прохода нет. Многие из них убивают чудовищ с помощью хитрости, подлости, колдовства. Что, если Геральт таким образом уничтожит основу нашей свободы?

Мэр молчал. Поэт ждал.

В коридоре опять звякнуло, снова прогрохотали тяжелые шаги. Лютик попытался прикинуть, зачем стража навешивает на себя так много железа. Вроде бы на дворе – не война? Зачем они потеют в своей нелепой сбруе? Он хотел даже поинтересоваться об этом у мэра, но чудовищным усилием воли сдержался.

– Значит, у твоего дружка нет планов посетить Джакс? – наконец спросил мэр.

Чувствовалось, решение он уже принял и задает вопрос лишь для порядка.

– Еще раз повторяю, с драконами ведьмак не воюет, – ответил поэт.

– А сам ты приехал лишь желая написать балладу? А?

– Именно так.

– И мы договорились? Как только вдохновение тебя посетит, уедешь, не забыв ознакомить меня с его плодами?

– Обязательно.

Еще немного помолчав, мэр изрек:

– У меня было искушение провести этот разговор в более живописной обстановке. Ну, знаешь, цепи на стенах, пылающий горн и дяденька в красном колпаке, с набором блестящих инструментов. Там бы ты рассказал многое. Там все поют как соловьи, а баллады сочиняют махом. К счастью меня твои тайны совершенно не интересуют. Пока. Учти, один необдуманный поступок может переменить все.

– Я понимаю.

– Замечательно. А теперь топай отсюда.

Чувствуя невыразимое облегчение, Лютик встал со стула и двинулся к двери. Он даже успел сделать два шага, но тут природное любопытство одержало верх, и, обернувшись, поэт спросил:

– А как же война?

– О чем ты? – поинтересовался мэр.

– Ну, война. Если дракону может навредить один профи, как его можно использовать на поле боя?

Мэр пожал плечами.

– На войне дракон сжигает огнем с неба, наносит массовый удар. Главное, его присутствие вселяет в солдат уверенность в непобедимости. Уверенность на поле боя – дорогого стоит. А насчет профессиональных истребителей чудовищ… Ни один из них на поле боя не сможет даже близко к ящеру подойти. За этим следят строго. Понял?

– Да,

– Умный мальчик. Кстати, некоему слишком ретивому лакею мои люди намекнут, что мешать творчеству известного рифмоплета не рекомендуется. Если надумает еще раз пустить в ход какую-нибудь конечность, очень быстро ее и лишится. А теперь – уходи, не мешай занятому человеку.

6

Пыли в архиве оказалось более чем достаточно. Нашелся там и хранитель, до невозможности пропахший луком старичок. Провожая Лютика к выходу, он бормотал:

– Похвально, когда молодежь интересуется историей. Очень похвально.

– Редко подобных мне видишь? – нахально улыбаясь, поинтересовался поэт.

– Очень. Ты достойный молодой человек. Глядишь, настолько заинтересуешься, что и сам станешь архивариусом. Платят хоть и мало, но зато – почет и уважение. Со мной даже стражники здороваются, случается. Я – служивый человек, у города на содержании, как и они. Смекаешь?

– Заманчиво, конечно, – ответил Лютик.

– После моей смерти место это освободится. Подожди лет десять, и будешь жить – как сыр в масле кататься.

– Подожду.

Лютик толкнул толстую, обитую железными полосами дверь, и она со скрипом распахнулась. Архивариус еще что-то бубнил в спину, но поэт его уже не слушал. Он вышел из башни архива, и его от свежего воздуха аж замутило. Привалившись к стене, он прикрыл глаза, поскольку их слепило солнце. И все не проходило ощущение, будто к пальцем его пристала покрывавшие ломкие страницы смесь из плесени, грязи и свечного сала. Хотелось немедленно вымыть руки.

Немного погодя полегчало. Поэт протер глаза, огляделся и двинулся прочь. Шагая кривым, поросшим крапивой переулочком, он думал о сведеньях, которые обнаружил более чем за половину дня кропотливой работы. Пригодятся ли они ему? Вот в чем вопрос.

Впереди, уже совсем недалеко, шумела толпа, кричали торговки, кто-то свистел, хохотал, распевал песни. Там была базарная площадь. А здесь, в переулке, царили тишина и покой. Здесь все, казалось, замерло, словно архивная башня обладала свойством притормаживать время на прилегающем к ней пространстве.

Мысль показалась ему настолько безумной, что он невольно улыбнулся. Подумал даже, что есть еще у него порох в пороховницах. А значит, и баллада никуда не денется, получится достойной.

Переулок петлял. В очередной раз свернув за угол, Лютик резко остановился. Он даже подался назад, намереваясь

пуститься наутек, да не успел. Три дюжих наемника подскочили к нему и, прижав к забору, взяли в полукруг.

– Что, стихоплет, жизни радуешься? – ухмыляясь, спросил один из них.

Отсутствие передних зубов делало его ухмылку отвратительной. Другой наемник, заросший до глаз длинной клочковатой бородой, сорвал с плеча поэта висевшую на ремешке лютню и небрежно отшвырнул прочь. Третий, с блеклым, совершенно неприметным лицом, оглянулся на стоявшего неподалеку человека в обильно украшенной золотом ливрее, спросил:

– Начинать?

– Сначала скажу ему пару слов. Ласковых.

Лакей неспешно, глядел со скукой. К чему эмоции? Птичка уже попалась.

– Это для меня лишь работа, не более, – сообщил он, остановившись в паре шагов от Лютика. – Случалось делать и более грязную.

– Представляю, – с презрением сказал поэт.

– Не представляешь, – возразил лакей. – И в этом твое счастье.

– Мэру твоя работа не понравится. А он мэр вольного города…

– Меня предупредили, – сообщил лакей. – И я внял. Приучен. Поэтому сейчас я тебя и пальцем не трону. Все сделают некие незнакомцы. А поскольку их трое, то я всего лишь не стал тебя спасать. Побоялся. Какие у меня шансы против таких молодцов? Не правда ли, ребята?

– Так и есть, – буркнул бородач.

– Начинать? – вновь спросил неприметный.

– Да подожди, – сказал лакей. – Мы не договорили. Ну, еще разок чирикнешь? Не бойся, калечить тебя не будут. Так, бока намнут, чтобы ума добавить.

– Ума? – спросил Лютик. – Это о чем ты?

– Да о том, что пора бы тебе образумиться, – лицо лакея скривилось, словно он лимон попробовал. – Перестать шалопайничать, прекратить досаждать серьезным людям.

– И тогда серьезные люди более не будут нанимать мразь, для того чтобы она меня избила, поскольку бояться сделать это своими руками?

– Мразь – нехорошее слово, – сообщил бородатый. – За него придется расплачиваться и извиняться. Будет больно.

– Доплачивать клиент не будет, – продолжал хорохориться Лютик. – А такие, как ты…

– Ошибаешься, мы можем и бесплатно. Для собственного удовольствия.

– Начнем? – неприметный замахнулся, целясь жертве в челюсть.

– Стоп, – приказал лакей. – Рано еще. А ты, графоман убогий, рифмоплет вшивый, слушай, что тебе говорят.

Поэт вздрогнул. Зло спросил:

– Решил поиграть в доброго папочку, стало быть?

– И не собирался. Только вот сейчас надумал сообщить все, давно просившееся на язык. И выскажу, ибо такие, как ты, не могут не вызывать отвращения. Трутень ты, живешь за счет других. Тунеядствуешь, когда другим приходится зарабатывать на жизнь в поте лица. Но учти, если не одумаешься, сдохнешь под забором, и никто не подаст тебе корочки хлеба. Старый, жалкий, ничтожный, никому не нужный.

– А ты, значит, собираешься встретить старость в тепле и довольствии? Рассчитываешь на благодарность тех, кому служишь? Ну и кретин! Выкинут они тебя в грязь и холод, как только обессилишь. Сомневаешься?

– О! Так у вас самый настоящий идеологический спор!

В голосе бородатого слышалось неподдельное уважение.

– Не твое дело! – крикнул ему поэт.

– Заткни фонтан! – рявкнул лакей.

– В случае если клиент передумает, аванс не возвращается, – предупредил беззубый.

– Не волнуйся, – сказал ему Лютик. – У таких, как он, если деньги заплачены, отрабатывать придется. Он за лишнюю монету удавится.

– Ах, ты…! – взвыл лакей

Поэт подумал, что вот сейчас-то его точно начнут бить. Ему захотелось закрыть глаза, но он не успел. Увидел, как со стороны базара, из-за поворота вышел Райдо.

Для того чтобы оценить ситуацию, подмастерью хватило одного взгляда.

– Развлекаетесь? – спросил он, приближаясь. – Не в том месте, позвольте заметить.

– Это почему? – спросил бородатый.

Он шагнул навстречу Райдо. Мгновением позже рядом с ним оказался неприметный. Теперь Лютика держал лишь беззубый.

– Чем оно плохо, это место? – снова спросил бородатый.

Проходя мимо лакея, подмастерье на него даже не взглянул. Его интересовали лишь наемники. Остановившись напротив них, он ответил:

– Тем, что вы оказались на моем пути.

– А нам на это плевать, – заявил бородатый. – Хочешь сыграть в благородного защитника?

– Почему бы и нет? – послышалось в ответ. – Тем более, что вы имели глупость выбрать объектом забавы моего знакомого.

– Ах вот как? – бородатый зловеще ухмыльнулся.

Он извлек из-под полы короткую узловатую дубинку, быстро двинулся к Райдо. Его напарник был полностью уверен, что защитник поэта бросится наутек. Он даже промедлил, кинулся в атаку не сразу. Это все и решило.

Бородатый успел только замахнулся. Райдо саданул ему кулаком в челюсть, и тут же, крутанувшись на месте, с силой впечатал противнику в живот локоть, сбил дыхалку. Да настолько удачно, что бородач выпустил из рук дубинку. Подмастерье успел поймать ее на лету. И тут же врезал по колену как раз подоспевшему неприметному.

Дубинка, видимо, была утяжелена свинцом. Наемник упал как подкошенный, взвыл белугой. А Райдо вновь повернулся к бородатому, почти без замаха ударил его по руке. Громко хрустнула кость и наемник, прижав целой рукой к животу покалеченную, кинулся прочь.

– Я вас сейчас! – крикнул Рейдо, оглядывая поле боя в поисках противников.

Не с кем было драться. Беззубый с бородатым бежали. Неприметный ковылял прочь, постанывая и хватаясь за забор.

И все-таки по части драки мой спаситель не профессионал, отстраненно подумал Лютик. Не ощущалось в его движениях отработанности, достигаемой бесчисленными тренировками. Драться ему приходилось не раз, но схватка не является смыслом его жизни. Напор и скорость реакции, вот что позволило ему сейчас победить. Ну, еще и везение. Наемники недооценили противника, а когда поняли, какую совершили ошибку, было поздно.

Поэт вдруг осознал, что все еще стоит, прижавшись спиной к забору. Отодвинувшись от него, он вспомнил еще об одном участнике схватки. Ее вдохновителе. Не было его. Словно бы испарился, и даже непонятно, в какой момент.

– Ну и чутье… – пробормотал поэт.

– А не приходило ли тебе в голову взять и уехать из города? – спросил подмастерье, внимательно разглядывая дубину. – Учти, от тебя так просто не отстанут.

Скептически хмыкнув, он перекинул оружие через забор и скрестил руки на груди.

– Не могу, – сказал Лютик, – Я должен дописать балладу. Должен, понимаешь?

– Даже если тебе при этом проломят голову?

– Не проломят.

Поэт поднял с земли лютню и внимательно осмотрел. Она оказалась целой.

– Зачем тебе баллада? – поинтересовался Райдо.

– Это моя работа. Думаю, я для нее родился.

– И каждый должен делать свою работу?

– Именно. Не будет удачи тому, кто пойдет против натуры.

Подмастерье улыбнулся.

– Правильная мысль. Однако я оказался здесь, поскольку шел по делу. А времени остается все меньше. Вечером будь в корчме, там договорим.

Поэт смотрел ему вслед, пока тот не скрылся за поворотом.

7

– Графоман, – пробормотал Лютик. – Точно – графоман.

Он в сердцах скомкал исписанный полностью с обеих сторон лист бумаги, швырнул его в угол. Горка там набралась уже приличная.

– Бумага денег стоит, – сказал кто-то за соседним столиком. – Купил бы лучше на них пива.

– Мается, бедолага, – послышалось от другого. – Каким только образом люди с ума не сходят?

Тяжело вздохнув, поэт взял очередной лист из пачки, лежавшей перед ним на столе. Обмакнув перо в чернильницу, он взглянул на проходившую мимо молоденькую служанку. Вид у той был весьма аппетитный.

– Красавица, – сказал ей Лютик. – А не желаешь ли стать еще и музой?

– Сколько угодно, – сообщила та, останавливаясь, – за деньги.

Лютик вздохнул.

– Музы работают даром.

– Даром только птички поют, – фыркнула служка и пошла прочь.

Поэт проводил ее задумчивым взглядом и вновь взялся за перо. Немного погодя под усевшимся напротив Райдо скрипнула лавка.

– Понравится тебе, если зарифмовать «дракон» и «балкон»? – спросил у него Лютик.

– Давай лучше поговорим о другом, – подмастерье махнул рукой служанке.

Кружка с пивом появилась перед ним мгновенно. Верный знак кредитоспособности. У служанок на это чутье безошибочное.

– Кутить будешь? – предположил Лютик.

– Потом. А сейчас у нас есть дела. Меня заинтересовал местный дракон.

– Настолько, что ты полез за сведеньями о нем в архив?

– Настолько. И полез. А тебя, как я понял, он интересует ради баллады. И ты тоже там покопался.

– Толку-то? У меня все еще нет истории, – пожаловался поэт. – Ни любви, ни ревности, ни страданий. Чем мне вызвать у слушателей сопереживание? Описанием дракона? Я его даже не увижу.

– А история его появления? – подсказал Райдо.

– История? Не спорю, она таинственная, сказочная можно сказать. Был город, живший за счет рубиновых шахт. Потом

драгоценные камни в шахтах иссякли, и настали трудные времена. Тут вовремя появился мастер зверей и привел дракона. Город заключил с драконом соглашение. Потом была краткая эпоха войн, после которой соседи, хлебнув драконьего огня, решили, что орешек им не по зубам. Далее настала пора полного благоденствия, длящаяся до сих пор. Скука смертная. За такую историю и медной монеты не дадут.

– Мастер зверей? Что-то я о таких людях не слышал. Где о нем поминается?

– В архиве, в дальнем шкафу, – сообщил поэт. – Под налоговыми книгами столетней давности. Учти, никто в городе эту историю так не рассказывает. Пришел дракон сам, говорят. С другой стороны, никто о мастерах зверей не слышал вот уже сто лет. Прошла в них нужда.

– А кто это был? Чем они занимались?

– Люди, способные договориться со зверями, знающие их язык. Раньше, если жителям какого-нибудь селения досаждали дикие звери, приходил мастер и заключал с ними договор. Или уводил зверей прочь, так, что они больше не возвращались.

– Убивал?

– Да нет, договаривался. Причем заключал взаимовыгодное соглашение. Ну а потом людей становилось все больше, они забрали силу… и…

– И нужда договариваться отпала, – подсказал Райдо.

– Вот именно.

– Чем не тема баллады? Напиши о том, как люди, утратив возможность договариваться с животными, поплатились за это… что они потеряли? Будущее? Или о том, что родство с животными в них все же осталась. Рано или поздно оно возьмет свое. А если не сумеет, то отомстит. Избежать мести можно, лишь вновь научившись договариваться.

Лютик покачал головой.

– Такую, слишком умную, балладу по кабакам не попоешь. Не дадут за нее денег. Народ любит про любовь, кровь, страсть. Ну, сам понимаешь…

– Ты только ради денег пишешь?

– Нет. Однако сейчас мне надо пополнить кошелек. Опустел он у меня. И значит, нужна баллада для кабака. Уверяю, написать такую очень непросто. Вон, посмотри.

Лютик показал пальцем на кучу скомканных черновиков.

– Как знаешь, – подмастерье пожал плечами.

– А тебя эта история почему интересует? – спросил поэт.

– Есть у меня в ней интерес, – ответил Райдо. – О нем поговорим потом. А пока, в самом деле, не выпить ли нам, не

отпраздновать ли победу в переулке?

Соблазн был велик.

Лютик бросил взгляд на чистый лист, вновь посмотрел на кучу измятой бумаги, скрипнул зубами.

– Ну что, надумал? – спросил подмастерье.

– Нет, – сказал поэт. – В любое другое время, но только не сейчас. Баллада…

8

За горой ревел дракон. Очень убедительно он это делал, громко. Слышалась в реве его сила, ярость, жажда добычи.

– Не пустим, – сказал усатый стражник. – Если ты не собираешься с драконом драться, то не пройдешь. Нечего всякой шушере делать возле его пещеры.

– Чем мы можем ему навредить? – спросил Лютик, к этому моменту осознавший тщетность своих усилий и лишь из чистого упрямства пытавшийся договориться о том, чтобы их пропустили.

– Кто вас знает?

Стражник глянул на него исподлобья, взялся поухватистее алебарду. Его товарищ, худой и очень высокий, добавил:

– Даже если и проскочите через нас, то на другом конце ущелья стоят рыцари дракона. Они шутить не любят. У них с хитрецами разговор короткий.

– Пойдем, – сказал Райдо, крепко взял поэта за руку и потащил прочь.

Тот попытался было упираться, но подмастерье на ругань и попытки остановится внимания не обращал, а шел себе и шел. Свободу поэт получил, лишь когда они оказались от стражников шагах в ста. Отпустив его, Райдо спросил:

– Ну, успокоился?

– Баллада, – со страстью сказал Лютик. – Не отпускает она меня, но и не пишется. Муки творчества это называется, понимаешь? И чудится мне, что все закончится тогда, когда я увижу живого дракона.

– А раньше ты их не видел?

– Это не считается. Мне нужен местный.

– Учти, если попадешь в руки рыцарей дракона, они не пожалеют. Им плевать на то, что ты известный менестрель. И ты рассказывал, тебя еще мэр предупреждал…

– Мне плевать.

– Эко тебя, братец, прихватило. Стало быть, надо искать какой-то выход.

– Выход…

Лютик посмотрел на вход в ущелье, от которого его увел подмастерье. Он был настолько узкий, что, поставив стоймя по его краям два камня и врезав в них петли, удалось подвесить массивные ворота. Проход за ними вел через гору и наверняка заканчивался у пещеры дракона. Если бы только ворота не были закрыты и не охранялись.

– Надо идти в обход, – подсказал Райдо, – по горам. Тяжело, и

курточку модную можно изорвать, но зато – напишешь балладу. Сам понимаешь, искусство требует жертв.

Окинув взглядом вершины, которые им предстояло преодолеть, Лютик помрачнел.

– А тебе зачем это нужно? – поинтересовался он.

– Дело есть у меня. Я уже сказал.

– Какое? Не тяни кота за хвост. Я не настолько глуп, чтобы отправиться в опасный путь с человеком, о намереньях которого не имею ни малейшего понятия.

Поправив висевший за спиной арбалет, подмастерье неохотно объяснил:

– Не удалось мне пристроиться на работу. Нет свободных мест. А заработать надо позарез.

– При чем тут желание увидеть дракона?

– Мне нужен рудник. Раньше город кормился с рубинового рудника, а тот иссяк. Дракон в нем и поселился. Понравилось ему там. Я раскопал в архиве кое-какие сведенья. Получается, рубины действительно кончились, но там было еще кое-что ценное. Если мне удастся взять из рудника пробы и мои догадки окажутся верны, то эти сведенья можно неплохо продать. Уж я сумею договориться.

– А что там может быть?

Прежде чем ответить, Райдо вновь огляделся. А потом сообщил:

– Мифрил.

– Дорого стоит, – с видом знатока сказал Лютик.

– Очень дорого. Ради такого можно рискнуть. И лучше отправиться в это предприятие вдвоем. Как, пойдешь?

Лютик еще раз взглянул на горы, прикинул, сколько надо пройти, и ответил:

– Придется. Баллада должна быть написана. Должна.

9

– Ну вот, – сказал Райдо, – осталось немного. Думаю, после этого спуска мы окажемся на месте. Ну, а там следует двигаться очень осторожно. В случае если рыцари нас заметят, под ногами не мешайся. Я буду действовать.

– Договоришься? – поинтересовался Лютик.

Переход превратил его одежду чуть ли не в лохмотья.

– Попытаюсь, – сказал подмастерье. – Нет человека, полностью довольного тем, что он имеет. Для того что бы он оказался на твоей стороне, надо лишь предложить достойную цену.

– Тогда, зачем ты дрался с бандитами, в переулке? Не смог угадать, что им нужно?

– Угадал сразу, – ухмыльнулся подмастерье. – Жаль было денег их перекупать.

– Ах вот как? – насмешливо фыркнул поэт, – С мешком денег в руке можно договориться с кем угодно. Факт.

– Любая мудрость, – сообщил Райдо, – очень проста. Кстати, а чего это мы остановились? Спускаемся.

Они двинулись вниз по склону. Тот становился все более пологим. Попадавшиеся поначалу деревья постепенно превратились в рощу. Они прошли ее, то и дело останавливаясь, чтобы оглядеться и прислушаться. Дальше дорогу им перегородил огромный обломок скалы. Правым краем он смыкался с очень крутым склоном, и обойти его можно было лишь слева.

– Здесь надо быть особенно осторожным, – вполголоса сказал Райдо.

– Я слышу эти слова каждый полчаса, – пробормотал Лютик, – почти три дня, в течение которых мы ползаем по горам.

– А сейчас надо быть еще осторожнее, чем обычно. Судя по всему, шахты уже близко.

Стараясь ступать как можно тише, они миновали поворот и остановились, увидев скрывавшееся за ним.

– Что это? – шепотом спросил поэт.

– Рог, сдается мне, – подмастерье пожал плечами, – Очень большой.

Рог был не менее двадцати шагов в длину, но поражала не только величина. Его чуть желтоватое тело оплетала целая паутина толстых и тонких медных трубок, пружинок, клапанов. К сужающемуся концу оказались приделаны огромные кузнечные меха.

– Ну и штука, – сказал Лютик, подходя к сооружению ближе.

Следовавший за ним Райдо вздохнул и сообщил:

– Это на самом деле дракон.

– Что?

Лютик подошел к рогу вплотную и осторожно положил руку на его поверхность. Она оказалась великолепно отполирована. Он передвинул ладонь дальше и ощутил холод медного пояска, в который был вделан ряд плапанов. Как на духовой трубе.

– С помощью этой конструкции рыком и пугают, – сказал Райдо, остановившись рядом. – Ну, теперь понимаешь? Вместо дракона есть лишь его рев.

– Кто приводит в действие машину?

– Люди. Кто же еще?

Пролетевшая на расстоянии ладони от головы подмастерья стрела выщербила кусочек камня из ближайшей скалы. Райдо сдернул с плеча арбалет, но, оглянувшись, стрелять передумал. Смысла не было. Противников оказалось десятка два, и находились они очень близко.

– Это рыцари дракона? – спросил Лютик.

– Кто еще? Они самые.

Одеты были рыцари справно, в крепкие, усеянные металлическими пластинами кожаные крутки. На нескольких так вообще поблескивали кольчуги. Дорогая штучка для здешних мест. Вооружены они были тоже неплохо. У каждого имелся не только арбалет, но еще и меч. Лица у всех были сытые, румяные, как у людей, регулярно и хорошо питающихся. А вот глаза – холодные, тусклые. Глаза бандитов и убийц.

Неторопливо приближаясь, рыцари брали непрошеных гостей в полукруг.

– Может, удастся договориться? – спросил поэт.

– Попытаюсь, – пробормотал Райдо.

Шагах в пятнадцати рыцари дракона остановились. Лишь один, явно предводитель, подошел чуть ли не вплотную. Здоровенный детина, с длинными, смахивающими на два шнурка усами, в дорогом панцире. Он постоял, разглядывая пленников, потом спросил:

– Кто такие?

– Поэт Лютик и подмастерье, – сообщил Райдо. – Я – подмастерье. Мне бы шахты поглядеть. До дракона вашего дела нет.

– Зачем подмастерье нужны шахты?

– Когда-то в них добывали рубины, потом они кончились. А я предполагаю, что там есть мифрил. Если моя догадка подтвердится, контролирующие их станут богатеями. Насколько я понимаю, шахты сейчас принадлежат вам.

– Что тут нужно поэту?

– Я хочу написать балладу о…, – ответил Лютик. – гм… о шахтах, о том, как трудно в них добывать руду.

– Понятно, – сказал предводитель.

Он махнул рукой, и один из его людей, худой, с бельмом на глазу, чуть ли не бегом преодолев разделявшее их расстояние, вырвал из рук у Райдо арбалет, отшвырнул его далеко в сторону. Потом он сдернул с плеча у Лютика лютню и вопросительно посмотрел на вожака. Тот пожал плечами. Прежде чем вернуться к дружкам, худой саданул музыкальный инструмент о ближайший большой камень. Тренькнули струны, обломки грифа усеяли траву.

– Меня зовут Экк, – сообщил предводитель. – Рассчитываю на ответную искренность. Еще раз предлагаю рассказать, кто вы такие. Опять соврете, для начала прикажу всадить каждому по стреле в ногу. Про мифрил можно не упоминать. Никогда он не соседствовал в одной шахте с рубинами. Это – факт. Поэт скорее всего притопал посмотреть дракона, и напрасно, конечно.

– Даже если я на самом деле явился посмотреть на вашего несуществующего дракона, – с обидой сказал Лютик. – Лютню-то зачем разбили?

– Мертвые на лютнях не играют, – объяснил Экк. – Не будь ты певцом, мог и уцелеть. А так, зачем оставлять в живых человека, который разнесет нашу тайну по всем окрестным трактирам? Вредно скажется на доходах.

– Содержание от города, возможность безнаказанно обделывать преступные делишки, имущество драконоборцев, рискнувших пройти к пещере, – перечислил Райдо. – Я ничего не забыл?

– Процент со всех торговых дел в черте города, – добавил предводитель рыцарей. – Заметь, я очень искренен. Услышу ли в ответ правду? Кто ты и что тебе надо?

– Хорошо, – ответил Райдо. – Вот чистая правда. Я – мастер зверей. Я умею заключать соглашения с любыми зверями. Я догадался о том, что дракона здесь нет, едва услышав рев трубы.

– Если ты все знал заранее, то зачем полз через горы, да еще и этого олуха царя небесного с собой тащил?

Лютик вскинул было голову, собираясь ответить на выпад достойно, но не сказал ни слова. Чувствовалось, сейчас не до амбиций.

– Договориться, – ответил Райдо. – У меня есть дракон, и его нужно пристроить. У вас дракона нет, но есть условия для его существования, есть город, в нем нуждающийся. Не пора ли заканчивать маскарад? Слухи неизбежно поползут. Ну а дальше

вашей вольготной жизни придет конец. Не успевшие унести ноги самозваные рыцари отправятся на виселицу. Кто похитрее – займется грабежами на трактах и отложит свидание с ней на полгода, год, не больше. Новый король обещал побеспокоиться о том, чтобы купцов никто более не обижал, а он слово держит. Итого, будущее вам светит безрадостное. А вот настоящий дракон все меняет, придает существованию вашего ордена смысл. Он списывает прежние грешки. Если измените манеры и стиль жизни, можете стать самыми настоящими рыцарями.

– А если – нет? – спросил кто-то из шеренги.

– Надеюсь, вы слышали, что драконы разумны? Еще они не жалуют людей с хищническим отношением к окружающему миру и возле себя не терпят. Однако если вы изменитесь, то мой дракон вас признает. А это – забвение грехов, свой дом, стабильная, обеспеченная жизнь, в будущем – семья, дети, покойная старость. Достаточно лишь заключить соглашение, и они у вас будут.

– Все? – спросил Экк.

– А мало? – улыбнулся Райдо.

– Что скажете, ребята? – Предводитель рыцарей дракона повернулся к своему воинству. – Нам сделали щедрое предложение. Нравится?

– Сейчас их застрелим или еще поспрашиваем? – спросил ближе всех стоявший к нему рыцарь. – Вдруг что-нибудь скажут такое же забавное?

Лицо у него было одутловатое, как у сильно пьющего человека.

– Вот видишь, – Экк вновь повернулся к воинам спиной. – Не верят тебе, совсем не верят.

– А ты, сам?

– Верю, как ни странно это звучит. Ибо человек ты умный, а обмануть нас подобной историей мог попытаться лишь идиот. Вот только, даже если ты и вправду мастер зверей, что с того? При желании я мог бы даже рискнуть, разрешить тебе привести сюда дракона, выкупить им жизнь. Убив такую зверюгу, можно получить больше, чем с десятка приехавших с ним сразиться. Да только воинство у меня неподходящее. Расстрелять из арбалетов рыцаря могут запросто, а против такой зверюги не выдюжат.

– Кишка тонка? – вклинился Лютик.

Экк поморщился.

– Не советую так говорить перед лицом вооруженных людей. Впрочем, какая разница? Твою судьбу, господин поэт, уже не изменишь.

– За меня отомстят, – напомнил Лютик.

– Наслышан. Если ты действительно Лютик, то за тебя может вступиться белоголовый ведьмак. Пусть приходит. Вот тут мои люди себя покажут. В уничтожении всяких там героев у них опыт большой. Кстати, может, это и правильно? Слишком много их развелось. Палку кинешь и сразу попадешь в героя или безумца, забившего себе в голову, будто на свете есть какие-то принципы, болтающих о том, что надо жить ради будущего. И ведь не только мелют языком, но еще и размахивают разными там железяками. Спору нет, иногда очень даже умело, но десяток арбалетных стрел способен успокоить любого. Навсегда успокоить.

– Я так понимаю, это означает отказ от предложенной сделки? – поинтересовался Райдо.

– Торг продолжается, – пожал плечами Экк, – на наших условиях. И дракон никак не подходит. Вот если приведешь пяток единорогов – ударим по рукам. Можешь ты найти в ближайших лесах пяток единорогов? Убивать их легче, а стоят они очень хорошо. За рога знающие люди платят большие деньги. За небольшую надбавку отпустим и певца. Язык ему придется урезать, но зато жить будет. Подумай, я не обману. Да и есть ли у тебя выбор?

– Есть, конечно. В последний раз предлагаю одуматься. Ваше будущее…

– Да начхать нам на будущее! – рявкнул предводитель фальшивых рыцарей. – Наш путь для тех, у кого его нет. Любой из стоящих у меня за спиной знал, на что идет. И хватит чесать языком. Если ты не согласен выкупить ваши жизни, то на этом я намерен переговоры закончить. Ну?

Райдо широко развел руки.

– Вы сами этого хотели, – сказал он.

– Глуп ты братец, – Экк повернулся к своим стрелкам. – Ну что, ребята, потренируемся? Первому, всадившему одному из них стрелу в правый глаз, достанется полновесная золотая монета. Стрелять по очереди, по моей команде.

Мастер зверей резко хлопнул в ладоши.

– Это еще что за фокусы?

Ничего более сказать предводитель рыцарей не успел. Прямо над головой его возникло нечто вроде туманного пятна размером с дом. Из него мгновенно высунулась зубастая, увенчанная гребнем голова и изрыгнула столб огня.

10

– Если я тебя и обманул, – сказал Райдо, – то совсем немного. Ну не подмастерье я, а мастер. Меняет это суть дела?

Они сидели возле входа в шахту. Он был расположен на достаточном удалении от места встречи с рыцарями дракона, и запах паленого мяса сюда не долетал. Это радовало.

Отхлебнув из здоровенной, оплетенной соломой бутыли, мастер зверей передал ее товарищу. Устроившись поудобнее, тот сделал большой глоток, потом вернул сосуд.

В глубине шахты возился дракон. Явственно слышался шорох чешуи и скрежет когтей о камень.

– Дело не в терминах, – сказал Лютик, – а в сути. Дракон, что он там делает?

– Зарывает кости предшественника. Хоронит. Судя по всему, тот умер от яда. Хотел бы я знать, кто его убил, но прошло слишком много времени.

– Профи поработал?

– Возможно, – Рейдо сделал следующий глоток. – А неплохое вино у разбойничков. Даже зависть берет. Шастая по лесам, такое пьешь не часто.

– Кто тебя заставляет?

– Я создан для этого. А идти против собственной натуры не стоит. Каждый должен делать то, ради чего рожден. Не это ли ты мне сказал?

– Было, – признал поэт. – И все-таки откуда взялся дракон? Ты его из кармана вынул?

– Нет, конечно. Неизвестно где есть мир, в котором живут в свое удовольствие сказочные звери. Драконы, единороги, грифы и многие другие. Думаю, живется им там неплохо, но чего-то не хватает. Иначе, зачем бы они стремились сюда? Я умею отправлять их туда, могу вернуть в наш мир. При желании.

– Где он находится?

Райдо ухмыльнулся.

– Я же сказал – неизвестно где.

– Не знаешь?

– У меня есть догадки, но нет доказательств. Спроси лучше о чем-нибудь другом.

– Да запросто. К примеру, что будет дальше? Самозваных рыцарей ты уничтожил. Поселишь здесь дракона и отправишься дальше, искать место для следующей волшебной зверушки? Вскоре придет еще один отряд бандитов. Они отравят твоего зверя и опять объявят себя «рыцарями дракона». Все начнется по

новой. Стражники и не вякнут, поскольку явно были в доле и не прочь ее получать вновь.

– Не все так плохо, – ответил мастер зверей. – Я осмотрелся в городе. Он еще не прогнил, да и мэр, хоть и мирится с присутствием фальшивых рыцарей, большого удовольствия от этого не испытывает. Выхода у него нет. А я – предложу. И есть еще певец, способный сочинить песенку о несуществующем драконе, если мы не договоримся. Песенка эта мгновенно разлетится по свету. Как, достаточно?

– Поэтому ты меня за собой таскал? – спросил Лютик.

Как раз в этот момент дракон высунул голову из пещеры. Лютик подумал, что он красив просто необыкновенно. И тотчас ему в голову пришел образ, способный передать цвет чешуи на морде дракона. Там виднелось пятно просто замечательного оттенка.

– Скажем так, – ответил Райдо. – Это было удачное стечение обстоятельств, не более. И так ли я тебя обманул? Ты увидел дракона. Сейчас на него смотришь.

– Возможно, – пробормотал Лютик. – Но суть…

Он не мог оторвать от головы дракона взгляда, просто пожирал ее глазами.

Немного погодя ящер вновь спрятался в пещеру, продолжил возню, кажется, даже стал порыкивать.

– Так что там с сутью? – спросил мастер зверей. – Чем ты недоволен?

– Многим, – ответил поэт. – Но сначала объясни мне, каким ты видишь далекое будущее? Понимаешь, люди придерживаются заключенных договоров лишь до тех пор, пока они им выгодны. А вскоре они станут гораздо сильнее драконов. Будет изобретено оружие, способное их убивать легко. Чем после этого займется мастер зверей?

Райдо засмеялся.

– Будет день, будет пища.

– А если серьезно?

– Останутся люди. После того как с животными в этом мире покончат, останутся лишь они. Учти, единороги и драконы, другие волшебные животные есть и среди людей. После того как мир перестанет нуждаться в настоящих волшебных животных, настанет черед странных людей. Тех, кто, к примеру, сочиняет никому не нужные песни, пишет странные картины, придумываем невероятные истории. Все эти люди тоже не очень приспособлены к обычному миру и нуждаются в опеке. В ком-то, кто бы за них заключал договора, приглядывал за ними. Понимаешь, о чем я?

– И я одно из этих странных животных?

– Вполне возможно, вполне возможно.

– А ты меня подставил, – напомнил поэт. – Страху я при этом натерпелся…

– Тут не поспоришь, – признал мастер. – В полный рост подставил. Правда, до самого страшного я бы не допустил. Почти наверняка. И потом, я готов компенсировать ущерб. Как только заключу договор с мэром, мои возможности в этом отношении станут просто огромны. Деньги – понятно. Увесистый кошель, в уплату за балладу. Ты ее напишешь?

– Дракона я увидел. Теперь напишу.

– Что хочешь помимо денег?

– Лютню, – сказал Лютик.

– Как без нее? Получишь. Что еще?

– Мне отдастся самая красивая девушка в городе.

– Не могу обещать. Да и ты не захочешь. Любовь по обязательству – не любовь. И если уж невмоготу, то не лучше ли пожелать обычную шлюху?

– Самую красивую в городе? Хорошо.

– Еще что-нибудь?

– Есть… – глаза Лютика блеснули, как у кошки, увидевшей мышь. – Есть один лакей, обозвавший меня графоманом. Все остальное – привычное дело, а вот это простить нельзя. И значит…

2012 г.